

О СПОСОБНОМ И. В. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

СПОСОБНЫЙ Иван Васильевич, родился в 1861. Окончил юридический факультет университета в Санкт-Петербурге, служил присяжным поверенным в учреждениях Екатеринослава; в 1906 — избран депутатом 1-й Государственной Думы; позднее — городской Голова. В 1920-х — проживал в Мелитополе, работал юрисконсультom в учреждении, с 1928 — в Коммунхозе; после незаконного увольнения добился решения суда о восстановлении в должности. Женат на Ольге Хрисанфовне Способной. После увольнения с работы готовил документы для выезда с женой за границу; 23 октября получил визу на въезд во Францию. 24 октября 1929 — арестован и заключен в тюрьму.

В декабре 1930 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его жена Ольга Хрисанфовна Способная.

<25 декабря 1930>

«В комитет помощи политическим заключенным
Екатерине Павловне Пешковой.

Москва, Кузнецкий мост, 16

Ольги Хрисанфовны Способной

Заявление

24-го октября 29 года в г<ороде> Мелитополе по ордеру Мелитопольского Окружного Государственного Политического Управления был арестован мой муж Иван Васильевич СПОСОБНЫЙ.

Около 2-х недель его содержали под стражей при ГПУ, а потом перевели в До<м> пр<едварительного заключения>.

Мой муж до Революции был присяжным поверенным, сын крепостного крестьянина, не имея никаких средств, он своим трудом добился окончания Юридического факультета Петербургского Университета и того общественного положения и доверия, которым он пользовался у своих доверителей. После Революции он служил на Советской службе. Последнее место службы <в> 1928 году был Мелитопольский Коммунхоз, где он состоял юрисконсультom. Но там его уволили, чтобы предоставить место другому лицу. Увольнение было незаконно, и мой муж подал в Суд. Дело восходило до Верховного Суда УССР, и моего мужа восстановили в должности.

Но его уже приняли в Коллегию защитников и для поступления опять на должность юрисконсульта в Коммунхозе, он должен был, по существующим узаконениям в УССР, выбыть из состава Коллегии защитников. Перед возвращением на свою должность он получил приглашение от Мелитопольского Коммунхоза вступить в должность юрисконсульта, просив заверить его, что через некоторое время его не уволят вновь.

Получив заверение от Коммунхоза, мой муж подал заявление о выходе из Коллегии защитников и поступил в Коммунхоз юрисконсультom.

Т<ак> к<ак> ни к чему было придраться, то ему стали ставить в вину то, что мой муж в 1906 году был избран от города Екатеринослава членом 1-й Госуд<арственной> Думы и был потом избран городским Головой города Екатеринослава.

По требованию профсоюза он был снят с работы, как не член Союза, в местной газете "Радянский степ" появился ряд статей против моего мужа. В них ему приписывали защиту интересов буржуазии и проч<ее>, чего не было. Несмотря на то, что он не был лишен избирательных прав,

его лишили пособия от Социального Обеспечения, вычистили из Биржи Труда и отняли книжку ЦРК.

Ему 70 лет от роду, и он остался лишенным всех возможностей получить работу и иметь какие-либо средства к существованию.

Тогда перед моим мужем встал вопрос о голодной смерти и, чтобы избежать ее, он решил исходатайствовать себе право на выезд за границу, где его товарищи по профессии — бывш^{ие} присяжн^{ые} поверенные обещали дать ему работу и оказать материальную помощь. Он подал заявление в соответствующие Советские учреждения с просьбой выдать ему заграничный паспорт, а также стал ходатайствовать о получении разрешения на въезд в иностранные государства.

23-го октября 29 года, мой муж получил визу, т^о е^{сть} разрешение на въезд во Францию, а 24-го октября ночью того же года его арестовали.

Какое ему предъявлено обвинение, я не знаю, несомненно, что ему не может быть поставлено обвинение в незаконных действиях, ибо он всегда, добиваясь восстановления в должности, получения от Мелитопольского ЦРК продовольственной карточки, пересмотра постановления о снятии с учета безработных на Бирже Труда, пересмотра постановления о лишении помощи от социального обеспечения, шел прямым путем, предначертанным законами. Он подавал жалобу, имел мужество ссылаться на законы и указывать на нарушение их местными органами. Поэтому, ему не может быть поставлено в вину незаконные действия, а также выезд за границу с разрешения властей не возбраняется.

Ни у меня, ни у моего мужа нет никакого источника к существованию, и вполне естественно, что он, не будучи в состоянии получить в Советском Союзе работу, стремился выехать за границу. Можно ли за это старого человека, 70-ти лет от роду, сажать в До^м пр^{едварительного заключения}.

Я обращаюсь к Вам с великой просьбой, принять все меры к освобождению моего мужа из заключения и дать нам обоим, людям преклонного возраста, спокойно дожить свой век.

Прошу Вас спасти моего мужа от заключения, ибо в его 70-ти летнем возрасте сидеть в заключении — верная гибель, а служить и работать он может и хочет и, если служит, то честно исполняет свои обязанности. Важно еще то обстоятельство, что с 1917 года, когда окончился его срок службы, как Городского Головы, он при всех властях, котор^{ые} только существовали на территории УССР (как-то — петлюровцы, Гетманщина и белые), не был на службе — и только опять стал служить так это у Советской власти.

Вся его жизнь свидетельствует, что он не заслужил такого жестокого конца»¹.

*Весной 1930 — о смягчении участи Ивана Васильевича Способного вновь просили помощи Помполита*².

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 440. С. 140-141. Машинопись.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 531. С. 267, 270, 272-273.